

Стратегии осмысления христианского мессианизма у Н. А. Бердяева

Научный руководитель – Перевезенцев Сергей Вячеславович

Абрамян Арман Суренович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра истории социально-политических учений, Москва, Россия

E-mail: asabramyan@gmail.com

Тема мессианизма занимает важное место в творчестве Н. А. Бердяева. Причём слово «мессианизм» Бердяев использует и в смысле национального избрания и миссии, и в смысле некоего религиозного упования относительно грядущего избавления, связанного с Мессией. Бердяев вообще даёт развёрнутую типологию «мессианизмов», включая «национальный и универсальный, личный и безличный» и т.д. [1, с. 516] В том числе через категорию «мессианизма» Бердяев рассматривает и идею о царе-помазаннике, зародившуюся в библейскую эпоху и нашедшую новый виток в последующей истории Церкви [6, с. 212]. То есть, данное слово и его производные используется им в разных контекстах.

Говоря же о более конкретных примерах определения «мессианизма» по Бердяеву, можно начать с того, что в заметке «Мессианизм и история» («Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого») «мессианизм» оказывается «пророческим предчувствием второго явления Мессии», а также «мессианского царства» [6, с. 208]. В свою очередь, «христианский мессианизм» ожидает «будущего Царства Божьего» и «Второго Пришествия», а также связан с «миллениаризмом» [6, с. 212]. Примерами «христианского мессианизма» в этом смысле выступают Томас Мюнцер и Иоахим Флорский, однако Бердяев подходит к определению «христианского мессианизма» не только дескриптивно, но и прескриптивно: Иоахим «несвоевременен», но не является примером «ложного» христианского мессианизма, в отличие от Мюнцера [6, с. 209]. То есть для Бердяева мессианизм может быть истинным и ложным, приемлемым или неприемлемым.

В «Национализме и мессианизме» («Судьба России») «мессианизм» выступает уже как феномен, обречённый встречаться с национализмом, но при этом, по мнению философа, если поставить задачу разграничить эти феномены, можно обнаружить их сущностную разницу. В контексте данной работы Бердяева появляется представление о «мессианизме» как о «вселенском по своему притязанию» мышлении в отношении исторической роли конкретного народа - уже нечто сродни представлениям о национальном избрании [4, с. 102] (стоит отметить, правда, что, начиная описание такого «мессианизма» с примера древнего Израиля, Бердяев совмещает с вопросом об «избранном народе» вопрос о том, что этот народ будет восприемником всемирного Мессии [4, с. 103], то есть, идеи оказываются всё же связанными; сходная расстановка акцентов имеется и в других работах Бердяева [3, с. 124]). Однако «христианский мессианизм» выступает здесь не просто как подобного рода вселенское притязание исключительности, обретающееся в христианизированном народе. Если обобщить мысли Бердяева в этой работе, можно заключить, что он пытается определить «христианский мессианизм» как особый тип вселенского религиозного позиционирования конкретного народа, но который, вопреки партикуляризму, предполагает исключительное и жертвенное служение человечеству, целям всеобщего христианского спасения и при этом не отрицает остальных народов. То есть, Бердяев и в этом случае

не подходит к христианскому мессианизму только описательно, противопоставляя «очищенные» его формы «исключительному национальному мессианизму», «национализму», а также «древнееврейскому мессианизму», в котором, по мысли Бердяева, «нет ещё идеи всечеловечности» и который можно описать как «исключительный, прикованный к одной национальности и извергающий все другие национальности» [4, с. 103].

В «Душе России» («Судьба России») содержатся сходные выкладки. Бердяев обрисовывает «христианский мессианизм» как нечто, что должно достигаться через «очищение от всего не христианского, от национальной гордости и самомнения, от сбивания на путь старого еврейского мессианизма, с одной стороны, и нового исключительного национализма - с другой» [4, с. 20]. Разграничение христианского (в очищенном его виде) и иудейского «мессианизмов» приобретает дополнительную форму: используется слово «юдаизм», которым обозначается «исключительный религиозный национализм, всякое религиозно-национальное самомнение», «крайняя национализация Церкви» [4, с. 21]; стоит отметить при этом, что Бердяев, сохраняя во многом полемический тон в отношении иудейской религиозности, в результате чего становится возможной подобная категория, относит обе стороны полемики к общей «мессиански-пророческой» традиции и прямо осуждает антисемитизм [5, с. 3], поэтому данная категория скорее должна быть рассмотрена как деталь бердяевской внутрехристианской полемики. Как бы то ни было, «юдаизм», наравне с «язычеством», выступает как ещё один полюс контраста, необходимого для определения «христианского мессианизма», помимо противопоставления «новому исключительному национализму»/«исключительному национальному мессианизму». При этом «христианский мессианизм», даже в очищенном виде, представляет собой, по Бердяеву, идею, локализуемую именно в народе/нации и связанную с её исторической ролью и миссией, однако здесь, если сравнивать с «Национализмом и мессианизмом», акцент расставлен, как представляется, несколько иначе. Бердяев утверждает, что «в христианской истории нет одного избранного народа Божьего, но разные народы в разное время избираются для великой миссии, для откровений духа» [4, там же]. Поэтому «христианский мессианизм» («христианское мессианское сознание») может пониматься как своеобразная историческая фаза в рамках жизни того или иного христианского народа, когда он «призывается для великих откровений духа», когда в нём находится «центр мировой духовной жизни» [4, там же]. То есть, бердяевский «христианский мессианизм» может быть предприятием, последовательно осуществляемым различными христианизированными народами: «Такое пророческое чувство не исключает великого избрания и предназначения других народов; оно есть лишь продолжение и восполнение дел, сотворённых всеми народами христианского мира» [4, там же]. Следует заметить также, что тезис «в христианской истории нет одного избранного народа Божьего» соседствует у Бердяева с достаточно традиционной по меркам христианской традиции постановкой вопроса о «народе Божьем» в лице «церковного народа», то есть сообщества христиан вообще [3, с. 125].

Наконец, в «Учении Хомякова о национальности и национальном призвании» («Алексей Степанович Хомяков») Бердяев, продолжая рассматривать «мессианизм» и «христианский мессианизм» как феномен, усматриваемый на уровне народа, его миссии и судьбы, разграничивает «мессианизм» и «миссионизм». По мысли Бердяева, «легко допустить, что каждая нация имеет свою особую миссию, своё призвание в мире, соответствующее своеобразию её индивидуальности», однако «мессианское сознание претендует на исключительное призвание, на призвание религиозное и вселенское по своему значению, видит в данном народе носителя мессианского духа» [2, с. 409-410]. При этом Бердяев также считает «миссионизм» феноменом, который теоретически может быть укоренён в «пози-

тивизме», в то время как «мессианизм всегда мистичен» [2, с. 410]. Говоря же о «христианском мессианизме», Бердяев на примере рассуждений славянофилов о России приходит к выводу о том, что аутентичный «христианский и универсальный мессианизм» выражается не в «национально-эгоистическом процветании», а в «спасении мира» [2, с. 429]. Таким образом, философ предоставляет дополнительную иллюстрацию своей мысли о том, что христианский характер тезиса о национальном избрании, выраженном в «мессианизме», заключается в подчёркнутом универсализме и жертвенности. При этом Бердяев создаёт дополнительные отрицательные полюса, на контрасте с которыми обрисовывается подлинный «христианский мессианизм»: такими полюсами становятся «западный империалистический национализм», в том числе характерный, по мнению философа, для современного ему российского государственного аппарата, и «восточный изуверски-языческий национализм», который он усматривает в современных ему «стихийных националистических кругах» [2, с. 428].

Источники и литература

- 1) Бердяев Н. А. Дух и реальность / Николай Бердяев. М: АСТ: Астрель, 2011.
- 2) Бердяев Н. А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков / Николай Бердяев. М: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.
- 3) Бердяев Н. А. Смысл истории. Париж: YMCA-Press, 1969.
- 4) Бердяев Н. А. Судьба России (Репринтное воспроизведение издания 1918 года). М.: Философское общество СССР, 1990.
- 5) Бердяев Н. А. Христианство и антисемитизм // La Voie. – 1938. – №56. – С. 3-18.
- 6) Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж: YMCA-Press, 1952.